

Марк Альтшуллер

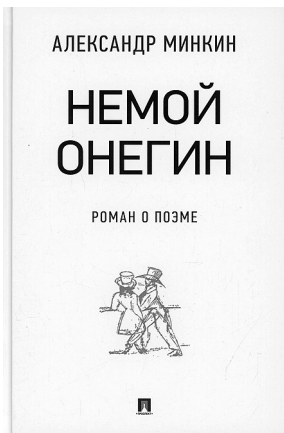
Немой ли Онегин?

DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_355

Минкин А. Немой Онегин: Роман о поэме.

М.: Проспект, 2020. — 560 с. — 10 000 экз.

«Роман» Александра Минкина привлек внимание читателей еще при появлении в интернете, задолго до того, как предстал в солидном бумажном издании, с большим по нынешним временам тиражом. В книге (не лишенной недостатков) умно и остроумно рассказывается о различных постановках «Онегина» на драматической и оперной сценах. Зачастую новы и оригинальны экскурсы в биографию и творчество Пушкина.

Так, психологически правдоподобно объясняет Минкин неожиданно грубое высказывание Онегина о невесте друга: он «дразнит» Ленского в отместку за скучно проведенный вечер. Оригинально звучит неожиданное сопоставление множественного и единственного числа слова «совершенство». В первом случае (Онегин объясняется с Татьяной после ее письма) речь идет о внешней привлекательности молодой влюбленной девушки, во втором («все ваше совершенство») о богатом духовном мире (*душе*) повзрослевшей Татьяны (с. 4—43).

Написанная живым слогом и с большой эрудицией, с неожиданными поворотами, с остроумными и точными наблюдениями, книга была восторженно встречена частью читателей.

Однако главный интерес книги Минкина заключается отнюдь не во вкладе в научное изучение романа, а в том, что это очередной этап в истории восприятия пушкинского шедевра критикой и публицистикой. Поэтому мы позволим себе подойти к тексту с некоторыми историческими и историко-литературными наблюдениями и посмотреть, так ли прав автор, назвав главного героя пушкинского романа «немой» (то, что для автора книги он не только «немой», но и «не мой», для нас не имеет значения), посмотреть, как вписывается его книга в двухвековую (уже!) историю восприятия одного из самых значительных явлений русской культуры.

Кажется, первым, кто противопоставил Онегина и Татьяну, отдав все преимущество последней и сделав Онегина холодным и бесчувственным «безродным космополитом», был Достоевский: «У него [Онегина] никакой почвы. Это былинка, носимая ветром»; «В глуши, в сердце своей родины, он, конечно, не у себя, он не дома. Он не знает, что ему тут делать, и чувствует себя как бы у себя же в гостях. Впоследствии, когда он скитается в тоске по родной земле и по землям иностранным (Онегин не путешествует за границей. — М.А.), он, как человек бесспорно умный и бесспорно искренний, еще более чувствует себя и у чужих себе самому чужим <...>. Не такова Татьяна: это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она

глубже Онегина и, конечно, умнее его»¹. Писарев же просто назвал Онегина «шутлом гороховым», а Татьяну — дорогой игрушкой, которую вдруг восхотел пресыщенный петербургский хлыщ.

После Октябрьского переворота Онегин сделан был представителем уходящего с исторической арены дворянского класса и становился то «довольно ловким хозяином-приобретателем (вроде Чичикова. — М.А.)», то «человеком, переставшим выполнять свои классовые функции дворянина <...> не имеющего сил пойти в ногу с передовыми силами мелкобуржуазной интеллигенции»².

Естественно, что в пору становления советской империи отрицательное отношение к «западнику» Онегину усиливалось. Так, Н. Тихонов, становясь все более сервильным, в речи на торжественном заседании в Большом театре 10 февраля 1937 г. говорил, что Онегин — «исчезающий изящный и слепой пасынок жизни <...> дожил “Без цели, без трудов / До двадцати шести годов, / Томясь в бездействии досуга...”»³.

В мрачную эпоху позднего сталинизма, после погромного доклада Жданова, в период борьбы с космополитизмом и прочих мерзостей послевоенной культурной атмосферы, Татьяна стала символом «русскости» («русская душой»). Ей противопоставлялся уродливый низкопоклонник перед Западом космополит Онегин. Вот некоторые примеры отношения к Онегину тогдашнего популярного литературоведения (1951): «Пушкин явно иронизирует над легкомысленным, вывезенным из-за границы убранством кабинета “философа в осьмнадцать лет”. Здесь налицо осуждение поэтом преклонения перед внешней “культурой” Запада»; «...мир Онегина, мир себялюбия, праздного прожигания жизни, погони за удовольствиями, тщеславия; мир без веры, без любви, без идеалов. Не было в этом мире места и чувству родины (“столбик с куклою чугуной” — бюст Наполеона и ”лорда Байрона портрет”)»⁴.

Естественно, в пору «оттепели» эти тенденциозные домыслы подверглись переоценке. В конце 1950-х гг. с «реабилитацией» Онегина выступали Г.А. Гуковский (в посмертно опубликованной книге⁵), С.М. Бонди и др.⁶ В 1961 г., если память мне не изменяет, в Ленинградском университете при большом стечении публики прошло обсуждение пушкинского романа. О переоценке образа Онегина с большим успехом говорил Г.П. Макогоненко. В 1963 г., подводя итоги своим размышлениям, он писал о герое пушкинского романа: «...человек острого ума, большой души, высоких требований к жизни»⁷.

Минкин в своей книге снова возвращает нас к оценке Онегина как абсолютно отрицательного персонажа, и мы в дальнейшем будем говорить именно об этом основном его тезисе. Начинает он, правда, с рассказа о плохой физической подго-

-
- 1 Цит. по: Речи о Пушкине, 1880—1960-е годы / Сост., подгот. текстов и коммент. В.С. Непомнящего и М.Д. Филина; послесл. В.С. Непомнящего. М.: Текст, 1999. С. 51, 54.
  - 2 *Войтоловский Л.* Пушкин и его современность // Красная новь. 1925. № 6. С. 237—238; *Фатов Н.Н.* Научная схема новой русской литературы. М.; Алма-Ата: Казакский гос. ун-т, 1930. Ч. 2. С. 64.
  - 3 Цит. по: Речи о Пушкине. С. 195.
  - 4 *Дегтяревский И.М.* Работа Пушкина над образом Евгения Онегина // Пушкин в школе: сборник статей. М.: Изд-во Академии педагогических наук СССР, 1951. С. 262; Соколова Л.А. Татьяна Ларина. Опыт изучения образа // Там же. С. 303.
  - 5 *Гуковский Г.А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Гослитиздат, 1957.
  - 6 См.: *Макогоненко Г.П.* Роман Пушкина «Евгений Онегин». М.: Гослитиздат, 1963. С. 142—143.
  - 7 Там же. С. 137.

товке Татьяны и о ее тайном желании мужской близости. Но затем довольно быстро переходит к главному герою своего «романа о поэме», присоединяясь к хулителям протагониста, но теперь уже, слава богу, без политических коннотаций. (В угождении властям предержавшим нашего автора никак нельзя заподозрить.) Он очень подробно останавливается на первой главе, анализируя Онегина преимущественно (даже только) с одной точки зрения: его преданности «науке страсти нежной». И здесь автор прибегает к необъятной сокровищнице русского языка. Каких только определений не находит он для нашего героя. Онегин и бабник, и расчетливый соблазнитель, и лицемер, и скотина типа Анатоля Курагина, и развратник, и циник, и ходок по бабам. Действительно, именно этим занятиям героя посвящено наибольшее количество строф первой главы, что, впрочем, наверное, простительно, учитывая юный возраст и Пушкина, и его героя.

Однако даже здесь не все так просто. Минкин совершенно не желает учитывать, что за восемь лет, пока писался роман, изменился не только его автор, но, возможно, и главный герой. В его книге Онегин восьмой главы ничем не отличается от Онегина начала романа. Так, он цитирует строки о новой встрече героев: «Чуть только он задумался, не возобновить ли роман, как Пушкин говорит о нем жестко:

Что шевельнулось в глубине
Души холодной и ленивой?

Холодная и ленивая душа — беспощадная характеристика» (с. 402).

Зачем же так обрывать цитату? Ведь у Пушкина продолжение гораздо интереснее и глубже:

Досада? суетность? Иль вновь
Забота юности — любовь?

Жизненному холоду, устоявшейся повседневности, мелкому тщеславию противопоставит глубина искреннего по-молодому чувства, Пушкин размышляет о своем повзрослевшем герое — не изменит ли его вдруг вспыхнувшая любовь. И эти размышления поэта, в отличие от Минкина, хорошо понял Белинский. Заканчивая статью о «Евгении Онегине», он вслед за Пушкиным спрашивал: «Что случилось с Онегиным потом? Воскресила ли его страсть <...>? — и отвечал на свой вопрос: Не знаем <...>»⁸

А Минкин знает, для него Онегин только бездельник, коварный искуситель, мастер, профессионал, защитил диплом по науке «страсти нежной», поэтому «врет, что попало», мол, «век уж мой измерен». При этом наш автор бросает реплику: «...здоров, как бык. Он только что вернулся в Петербург с курорта, с полезных минеральных вод...» А Пушкин говорит, что через несколько месяцев, проведя в добровольном заточении зиму, он идет «на мертвца похожий».

Минкин предпочитает трактовать Онегина точно по-писаревски: «Врет <...> пишет о любви, но чего добивается? Развода? Брака? Нет. В койку и только» (с. 413). То же самое, только другими словами говорит Писарев: «Когда Онегин писал к Татьяне страстные письма и когда он, у нее в доме бросился к ее ногам, тогда он, разумеется, добивался только интрижки. <...> Если бы эта женщина бросилась на шею Онегину и сказала ему: я твоя на всю жизнь, но во что бы то ни

---

8 Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7. С. 469.

стало увези меня прочь от мужа <...> тогда восторги Онегина в одну минуту охладели бы очень сильно»⁹.

А у Пушкина совсем по-другому:

В тоске безумных сожалений
К ее ногам упал Евгений <...>
Его больной угасший взор,
Молящий вид, немой укор,
Ей [Татьяне] внятно всё <...>

Кому мы поверим?

Пока мы говорили лишь о любви Онегина. Ибо автор «романа о поэме» рассуждает лишь о любовных похождениях и немоте протагониста. Обратимся теперь снова к первой главе и посмотрим, что *еще* сам Пушкин рассказывает о своем герое, кроме охоты на баб. Ну, во-первых, не только «свет решил, что он умен и очень мил», но и автор отмечает: «Мне нравились его черты, / Мечтам невольная преданность, / Неподражательная странность / И резкий, охлажденный ум». Оказывается, что, кроме *науки страсти нежной*, Онегин занимался кое-чем еще. Он знал Античность, что позволяло ему в духе модного фрондерства противопоставлять «безыдейных» Гомера и Феокрита¹⁰ политическому сатирику Ювеналу. Да и «Энеиду» читал: два стиха из нее помнил. Интересовался и проблемами современности (даже экономическими): «Читал Адама Смита...»

И вообще всю свою жизнь он читал (не только за бабами бегал). Еще в юности «уселся он — с похвальной целью / Себе присвоить ум чужой. / Он рядом книг уставлял полку. / Читал, читал, а все без толку». Пушкин смеется над юношеским максимализмом своего любимого героя, который отрицает, как это часто бывает в задиристой молодости, всю предшествующую культуру: «скука, обман, бред, совести и смысла нет, устарела старина, старым бредит новизна». — «Никогда ничего не хочу читать...», — позднее вторил Онегину Маяковский.

И в деревне, описывая «идиллическое» времяпрепровождение героя, автор рассказывает о его ежедневных занятиях:

Прогулки, *чтенье*, сон глубокий,
Лесная тень, журчанье струй,
Порой белянки черноокой
Младой и свежий поцелуй.
Вот жизнь Онегина святая...¹¹

Минкин остроумно и справедливо замечает, что этот «святой» эпикуреец нарушает все заповеди: ленится, прелюбодействует, чревоугодничает. Он, однако, совсем забыл, что

---

9 Писарев Д.И. Сочинения: В 4 т. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 3. С. 350—351.

10 «Пушкину были известны слова Н. Тургенева во вступительной речи при приеме в “Арзамас”, иронически противопоставлявшие бесполезный, по его мнению, перевод “Илиады” Гнедичем полезным сочинениям по политической экономии...» (Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. Л.: Просвещение, 1980. С. 134). В этой связи показательны и чтение Онегиным Адама Смита.

11 Здесь и далее курсив в цитатах наш.

В своей глуши мудрец пустынный¹²,
 Ярем он барщины старинной
 Оброком легким заменил;
 И раб судьбу благословил.

Все комментаторы давно и справедливо отмечают, что в этом действии Онегина сказались его либеральные взгляды и отразились идеи и поступки одного из главных деятелей раннего декабризма — Николая Тургенева, глубоко занимавшегося экономическими проблемами¹³. Недаром, видно, читал Онегин Адама Смита. Кстати заметим, что герои поэм Н. Огарева («Господин», «Деревня»), написанных в середине и конце 1840-х гг. с оглядкой на роман Пушкина, пытаются сделать то же: «...свести их [крестьян] с пашни на оброк»; «...барщины постылой / Взамен введу я вольный труд»¹⁴. Однако у слабовольных героев Огарева так и не получается то, что легко совершил «немой Онегин», не побоявшись утратить часть своих доходов, что, впрочем, не лишило его «прихотливого обеда» с «бутылкой светлого вина».

Вернемся к деревенским занятиям Онегина. Перечисляя его грехи, Минкин не обращает внимания, что, нарушая все заповеди, Онегин при этом и *читает*. Немного позднее мы узнаем, что именно читал Онегин между сном, прогулками, поцелуями и хозяйственными делами: «...хотя Евгений / Издавна чтение разлюбил, / Однако ж несколько творений / Он из опалы исключил, / <...> В которых отразился век». Эти несколько творений составляют целую библиотеку. *Грудю книг* видит в его кабинете Татьяна и прилежно, как в публичную библиотеку, ходит их читать. На первом месте среди них, конечно, общий кумир Байрон. Остальных Пушкин не называет. Обращение к черновикам позволяет увидеть впечатляющую картину чтения и размышлений «растлителя и бабника».

Поначалу Пушкин сделал его внимательным читателем античных авторов (Гоций, Цицерон, Лукреций) и века Просвещения (Руссо, Юм, Мабли, Гольбах, Вольтер, Гельвеций, Дидро и др.). Во втором варианте той же XXII строфы седьмой главы Онегин читает современных авторов, у которых изображен «современный человек <...> с его безнравственной душой, себялюбивой и сухой...». Перечень этот тоже впечатляет: весь Вальтер Скотт, «Рене» Шатобриана, «Коринна» мадам де Сталь, «Адольф» Бенжамена Констана. И конечно, властитель дум Байрон¹⁵. Для нас сейчас не важны причины, по которым Пушкин менял круг чтения своего героя. Важно, что Онегин был вдумчивым, активным, очень внимательным читателем: на полях многих книг Татьяна

встречает

Черты его карандаша
 Везде Онегина душа
 Себя невольно выражает
 То кратким словом, то крестом,
 То вопросительным крючком.

-
- 12 В черновой рукописи Пушкин назвал Онегина «свободы сеятелем пустынным». Позднее он эту строку использовал для автохарактеристики в известном стихотворении: «Свободы сеятель пустынный / Я вышел рано...» (см.: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. М.: Воскресение, 1995. Т. 6. С. 265).
- 13 В 1818 г. вышла его книга «Опыт теории налогов». Проблемами освобождения крестьян занимался и декабрист И. Якушкин. Ср. в десятой главе: «Якушкин <...> обнажал царевбийственный кинжал. Тургенев <...> плети рабства ненавидя».
- 14 *Огарев Н.П.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1956. С. 487, 533.
- 15 *Пушкин А.С.* Указ. соч. С. 438. См. также: *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 316—319.

Проходит несколько лет. И снова страдающий, почти умирающий от неразделенной любви Онегин погружается в чтение. Строфа с перечислением авторов, увлекших страдающего анахорета, часто цитируется, но приведем ее еще раз. Мы видим, что Онегин от современного романтизма Байрона и Вальтера Скотта снова обращается к веку Просвещения (из современных авторов упомянут только Манзони):

Прочел он Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочел скептического Беля,
Прочел творенья Фонтенеля...

А Минкин утверждает: «Ни одного свидетельства ума. Ни эпиграммы, ни философии, ни анекдота, ни спора о важных вещах. Отповедь Татьяне вполне заурядна. Онегин — огромное пустое место» (с. 62). Доказательствам этих обвинений посвящена целая небольшая глава, саркастически (учитывая «немоту» Онегина) названная «Говорун» (с. 58—62). Последуем за автором, для удобства разговора (и полемики) пронумеровав эти доказательства. За каждой цитатой с небольшим отступлением следует наш комментарий.

1. «Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
коснуться до всего слегка...

Где хоть один разговор?»

Как где? А вспомним детальное описание задушевных бесед Ленского и Онегина:

Меж ими все рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые
Судьба и жизнь <...>

Кстати, здесь же и некоторый намек на легкость и непринужденность разговоров Онегина, умение «коснуться до всего слегка»: «Он охладительное слово / В устах старался удержать».

Заметить можем и еще один беглый разговор, где Пушкин показывает быстроту реплик, непритязательность и легкость светской болтовни во время бала (опускаем ответные реплики собеседника («важного генерала»):

— Кто там в малиновом берете
С послем испанским говорит?
— Да кто ж она?
— Так ты женат? Не знал я ране
Давно ли?
— На ком? ... Татьяне?
— ...Я им сосед¹⁶.

---

16 Почему-то Минкин называет этот беглый разговор «мычанием» (с. 401).

2. «И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.

Где хоть одна эпиграмма?»

Откроем пушкинский роман. В рукописи остался предназначенный для седьмой главы «Альбом Онегина». Мы имеем полное право обращаться к текстам, не вошедшим в основной корпус (это часто делает и сам автор разбираемого «романа о поэме»): нас ведь интересует, что думал сам Пушкин о своем герое на протяжении долгой работы над романом. И вот какие блистательные *нежданные* эпиграммы находим:

Боимся мы графини -овой,
Как Вы боитесь паука.

Он важен, красит волоса,
Он чином от ума избавлен.

Если согласиться с остроумной гипотезой Лотмана, что шифрованные строфы так называемой десятой главы принадлежат «Альбому Онегина»¹⁷, то перед нами не начало строф, а законченные, написанные Онегиным строки. И это не просто *неожиданные*, а острые злые политические эпиграммы:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда
Нечаянно пригретый славой...

...не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.

Да и задиристая реплика Онегина, когда он «дразнит» Ленского за глупо проведенный вечер, тоже не лишена выразительности и злости:

...Я выбрал бы другую,
Когда б я был, как ты, поэт.
В чертах у Ольги жизни нет.
Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.

Здесь, кстати, самое время опровергнуть и еще одно злое и несправедливое обвинение бедного Онегина. По Минкину, он не только немой, но еще и бездарность: «Он бездарь, — говорит Минкин, — ничем заняться не умел, подыхал со скуки и не делал ничего, только тискал смуглянок да белянок и сам с собою играл на бильярде» (с. 123—124).

---

17 Лотман Ю.М. О композиционной функции «десятой главы» «Евгения Онегина» // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1995. С. 471; см. также: *Он же*. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. С. 414—415.

На самом деле Онегин вовсе не бездарность. Умный, остроумный, начитанный. Не просто много читает, но думает над прочитанным — с карандашом в руках; он соотносит свое чтение с проблемами современной общественной жизни: его интересуют тексты, где «современный человек изображен...». А его наблюдения над современностью («Альбом Онегина», десятая глава) злы, глубоки, язвительны.

3. «И дней минувших анекдоты
От Ромула со наших дней
Хранил он в памяти своей

Он же наверняка рассказывал эти анекдоты. Но, увы, их нету».

Слово «анекдот» в XVIII и первой половине XIX в. имело не совсем тот смысл, что сейчас. Это был короткий рассказ о каком-то (не всегда забавном) происшествии, часто взятый из Античности (об этом и напоминает: «от Ромула»). Их не только и не столько рассказывали, сколько читали. И Онегин их читал и хранил в памяти. А Минкин, видимо, хочет, чтобы Пушкин устами Онегина перекладывал Плутарха и Тита Ливия онегинской строфой.

4. «[а] Как пламенно красноречив...
[б] Как он язвительно злословил...
[в] Меж ими все рождало споры...

Где хоть один пример пламенного красноречия? Ледяная отповедь (в ответ на жаркое письмо Тани) не в счет. Где язвительное злословие? Где хоть один спор? Нету, нету, нету».

Есть, есть, есть!

[а] Примером пламенного красноречия может быть искреннейшее страстное письмо к Татьяне в конце романа. Не менее красноречива и исповедь (а не только «отповедь») в разговоре с Татьяной. (Кстати, почему она «не в счет»?) Проповедь эта («уроком» назовет ее Татьяна позднее) не прошла для Татьяны даром. «Учитесь властвовать собою», — говорит ей Онегин. Прошло совсем немного времени, и Татьяна сумела овладеть собой, не проявить прилюдно слабость на своих именинах:

уж готова
Бедняжка в обморок упасть;
Но *воля и рассудка власть*
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишком
И усидела за столом¹⁸.

Пройдет три года, и светская дама проявит удивительное хладнокровие и самообладание при встрече со своим «наставником» (не следует ли она его давним наставлениям):

---

18 Прилюдный обморок считался верхом неприличия. Так, Печорин сделал лучше, чем «спасти княжну Мери от верной смерти»: он «спас ее от обморока на бале».

Ей-ей! Не то чтоб содрогнулась
Иль стала вдруг бледна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губ она.
Хоть он глядел нельзя прилежней,
Но и следов Татьяны прежней
Не мог Онегин обрести.

[б] О *злословии* Онегина в его альбоме мы уже писали.

[в] Выше уже отмечалось, как подробно описал Пушкин основные темы *споров* Ленского с Онегиным.

Если кто из двух главных героев пушкинского романа и молчит, то не Онегин, а Татьяна. Она «говорит» только два раза. Первый раз — это страстное письмо, на которое Онегин отвечает своим нравочением/исповедью. Второй — объяснение, когда Татьяна отвечает на давний урок Онегина: «Сегодня очередь моя». Кажется, это всё. Есть еще беглый разговор с Ольгой после страшного сна да беседа с няней, где старушка больше рассказывает о себе. Все остальное время Татьяна молчит. «...Грустна / И *молчалива*, как Светлана», появляется она перед гостями Лариных. Из подробного рассказа о ней в предыдущих строфах мы видим, что с самого раннего детства именно молчаливость была едва ли не основной чертой ее характера. Она «дика, печальна, *молчалива*»; не разговорчива даже с родителями: «...ласкаться не умела / К отцу, ни к матери своей»; не общается со сверстниками: «Дитя сама в толпе детей / Играть и прыгать не хотела / И часто целый день одна / Сидела *молча* у окна»¹⁹; не разговаривает даже с куклой, что свойственно маленьким девочкам: «...куклы даже в эти годы / Татьяна в руки не брала; / Про вести города, про моды / Беседы с нею не вела». *Без возражений, молча* слушает она проповедь Евгения. И позднее в высшем свете Петербурга «она была нетороплива, / Не холодна, не *говорлива*...».

Вообще в романе мало говорят. Пушкин ведь писал не просто роман, а «роман в стихах — дьявольская разница» (письмо П.А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г.), а стихи не способствуют пространным диалогам. Тем более что в романе появился еще один персонаж, который начал занимать в нем все больше места и стал едва ли не главным — сам автор: «Пишу новую поэму, в которой забалтываюсь до-нельзя» (письмо А.А. Дельвигу от 16 ноября 1823 г.). Наверное, поэтому о любом из персонажей романа можно написать книгу: не только «Немой Онегин», но и «Молчаливая Татьяна» или «Безмолвная Ольга» и т.п.

В заключение рецензии нужно сказать несколько слов о месте книги Минкина в двухвековой уже истории восприятия пушкинского романа. Ю.М. Лотман как-то заметил: «...художественное произведение представляет собой особое устройство, способное накапливать информацию. Оно само как бы “выдает” новые истолкования до тех пор, пока сохраняет художественную жизнь. Это свойственно каждому значительному произведению искусства, а “Евгению Онегину” в наивысшей мере»²⁰.

19 Онегин, напротив, все время находится в непрерывном общении с людьми. То «хранит молчанье в важном споре», то возбуждает «улыбку дам огнем неожиданных эпиграмм», то оживленно беседует с Ленским. За обеденным столом с Кавериним, весельчаком и повесой, человеком умным и образованным, вряд ли он только наслаждался ростбифом и лимбургским сыром. Пушкин в стихотворении «К Каверину» писал: «...ум высокий можно скрыть / Безумной шалости под легким покрывалом».

20 Лотман Ю.М. Художественная структура «Евгения Онегина» // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1966. Вып. 184. С. 32.

Книга Минкина, на наш взгляд, станет заметным явлением в этом «накапливании информации», то есть, по существу, в очередном «новом истолковании» пушкинского романа. Она растянута (к чему-то в пухлую книгу добавлен еще и полный текст пушкинского романа, да еще с обложкой 1825 г., то есть года издания первой главы), композиционно неряшлива, автор иногда излишне болтлив, далеко не со всеми толкованиями пушкинской биографии и пушкинских текстов можно согласиться. Серьезнейшие возражения вызывает и основной тезис книги. Однако, как мы уже сказали в самом начале нашего разбора, книга эта написана не только бойко, но и занимательно, и талантливо. В истории восприятия Пушкина она займет свое, возможно как статьи Писарева, если не почетное, то, по крайней мере, заметное место.